

23. Ibid. P.43.
24. Gouge, W. Domestical Duties (L., 1634) / Amussen, D. S. An Ordered Society: Gender and Class in Early Modern England. N.Y., 1988. P.43-44.
25. The Ladies New Year's Gift, or Advice to a Daughter...P.76.
26. Gouge, W. Domestical Duties (L., 1634) / Amussen, D. S. An Ordered Society: Gender and Class in Early Modern England. N.Y., 1988. P.41.
27. Taylor, Th., A Commentarie upon the Epistle of Saint Paul written to Titus. Preached in Cambridge by Thomas Taylor. Cambridge, 1619. P. 382.
28. Ibid. P.382.
29. Gouge, W. Domestical Duties (L., 1634) / Amussen, D. S. An Ordered Society: Gender and Class in Early Modern England. N.Y., 1988. P. 40.

А. В. Азов

Психологический тип лжемессии: святость во грехе

Либертинская установка этического анархизма, одно из следствий гностического мифа, в условиях критики культурного проекта Просвещения в современном мире усиливает свою действенность среди радикально настроенной части интеллектуальной элиты. Отсюда интерес к фигурам лжемессий, которые своим ритуально освященным парадоксальным, святотатственным поведением намеренно разрушали общественную нравственность. Среди них зловещим обаянием выделяется лидер мистической иудейской секты «христианствующих» Яков Франк (1726 – 1791). Еврейская мистика – Каббала, а также история франкизма достаточно хорошо изучены. Наша задача: попытаться прояснить психологический феномен Франка по его пророческим речениям из так называемой «Книги слов Господних» в сочетании с фактами его биографии.

В униженной и бесправной, ждущей чуда социальной среде «штетла», в пьянящей мистической атмосфере еврейского галута (изгнания) в Подолии и на Волыни получает откровение свыше безобразный персонаж, которому присущи: властолюбие, корыстолюбие, гипертро-

фированный эротизм, лживость и предательство. Свои слуховые и зрительные галлюцинации он объявляет подлежащими безусловному исполнению в направленной вовне деятельности по созданию общины своих приверженцев, открыто нарушающих предписания иудейского религиозного законодательства (галахи) с целью духовного освобождения и спасения (гэула).

Спектр оценок личности Франка варьируется: от патологического мистификатора и криминального авантюриста, играющего роль машиаха (messии), – до озаренного мистика – спиритуала, желающего восстановить истинный иудаизм единственно возможным путем антиномизма.

Кто же он на самом деле? Лжемессия возвещал низведенное до него в форме видений и голосов откровение. Он утверждал свою избранность Богом как простолюдина, хотя происходил из семьи раввина – саббатианца. Франк говорил своим последователям: «Я вам покажу Бога, ибо у меня есть сила и власть, и меня Бог выбрал»; «Видите перед собой простака – и отсюда можете заключить, что через меня падут все законы и все науки. Если бы нужны были учёные – то послали бы такого, который все знает» [1]. Таким образом, ересиарх проповедовал конец эпохи раввинистической учености «мудрецов» ортодоксального иудаизма, которых Талмуд ставил выше безумных лжепророков [2].

Франк учил видеть в своих речениях мудрость под покровом глупости: «Неужели я, пришедший, чтобы повести вас к вере, буду говорить пустые слова? Было вам понять, что в тех глупостях скрывается мудрость. Снаружи оно (то растение) покажется ядовитым, а внутри вы найдете растение жизни» [3]. Таким образом, франкизм – это ярко выраженная «плебейская» ересь, возвышающая бедных в духе.

Глава секты заранее оправдывал в глазах адептов свои странные и парадоксальные, с точки зрения обыденного сознания и общепринятой морали, поступки: «Если вы даже увидите, что я совершаю странные поступки; делаю ребячества, глупости или лгу – то вы должны все это переносить и слушаться меня, а не отвергать свое сердце, ибо все то есть добродетель и твердость» [4].

Франк требовал от своих «братьев» и «сестер» безусловного, полного повиновения и самоотверженности в критических ситуациях: «Придет час, когда вам покажется, будто я чего-то боюсь, ибо мне придется таким притво-

ряться, но вы не бойтесь ничего. Пусть страх не овладевает вами. Покажется также вам, будто весь свет восстал, чтобы погубить вас. Имейте же тогда сердца львов, леопардов, тигров» [5]. Как известно, иудаизм допускает религиозное лицемерие под давлением внешних причин, но требует от евреев непоколебимого героизма и твердости в вере в последние сроки, когда испытания, выпавшие на долю народа Израиля, станут невыносимыми.

Сущность позиции Франка заключается в антиномизме. Он говорит ученикам: «Вы должны чтить Господа своего. Чем же именно? – а вот чем: сбросьте с себя все законы, всякую религию и идите за мной шаг за шагом» [6]. В другом месте он уточнял: «Я пришел избавить мир от всяких законов, существовавших до сих пор» [7].

По-видимому, эти высказывания Франка следует рассматривать в контексте Лурианской каббалы, где развивается диалектика галута (изгнания) и геула (спасения). Согласно р. Ицхаку Лурия Ашkenази (Ха-Ари), в передаче Хaima Vitala, Мишна и Талмуд – Тора мира творения (Брия) представляет собой скорлупу или оболочку (клипу), скрывающую «ор» (свет) Каббалы – Торы мира эманации (Ацилута). Поэтому в последние времена, когда явится Мессия (машиах), скорлупа – Талмуд, причина галута (изгнания) будет разрушена и свет Святого, да будет Он благословен, воссияет в своей славе.

С этой точки зрения мессия выполняет свое предназначение – «тиккун»: исправления мира, сбиивания последних искр Божьих (ницецот), рассеянных во тьме галута. С позиции саббатианской ереси мессия должен извлечь искры из ислама – религии Ишмаэля (Исмаила), формально принял его, как поступил лжемессия Шабтай Цви в 1666 году, а также из христианства или религии Эдома, родоначальником которой является Эсав (Исаев), а символом – свинья. Так мессия умертвляет, выхолащивает ислам и христианство, принося себя в жертву – и спасая мир. Добро и зло в итоге разделяются.

Для достижения святости мессия должен спуститься в бездну и пройти сорок девять ворот тумы (духовной нечистоты). Это допустимый предел падения, откуда можно вернуться назад, ибо пятидесятые ворота тумы означают коллапс, окончательное разрушение личности [8]. Для достижения благой цели мессия погружается на дно и становится предателем – вероотступником, ниспровергая Тору

(Учение) и заточая себя в сферу зла (ра), темной стороны творения (ситра ахара). Он уподобляется змею офитического гностицизма, воплощению Сатана (сатаны), получающего позитивные коннотации, о чем свидетельствует одинаковые гематрии (суммы числовых значений букв) ивритских слов «нахаш» (змей) и «машиах» (мессия) в практической Каббале [9].

Саббатианский теософ Аврахам Мигель Кардозо, а вслед за ним Франк в своих комментариях на пятьдесят третью главу книги пророка Йешайа (Исаии) высказывали мысль, что Мессия – слуга Божий (по версии христиан – Иисус Христос) должен причислить себя к числу грешников, чтобы искупить грехи Израиля, как сказано о нем: «...предал душу свою на смерть и к злодеям причтен был, тогда как он понес на себе грех многих и за преступников сделался ходатаем» (Ис. 53, 12).

Поэтому Франк, будучи в Турции, состоял членом саббатианской секты «денме», внешне исповедующей ислам; был предан херему (отлучению от иудаизма), и в Смирне (по его словам) услышал во сне голос: «Иди в Польшу, ибо там привлечешь многих людей к вере христианской!» [10], а затем во время болезни к нему будто бы явился Иисус Христос с таким же приказанием.

Франк вместе с группой своих сторонников принял крещение, но продолжал втайне исповедовать мессианский иудаизм и исполнять особый ритуал, следя идеалу так называемого религиозного лицемерия, или симуляции веры преследуемым меньшинством, за что и был заключен в тюрьму, претерпев мученичество. Он тайно изъявил готовность перейти в православие, а после смерти был погребен на католическом кладбище по иудейскому обряду. Однако следует обратить внимание на то, что Шабтай Цви принял ислам, а Франк христианство в последний момент, при безвыходных обстоятельствах – и лишь затем эти их поступки нашли оправдание в еретической догматике.

До конца исполняя свою роль провокатора-вероотступника, Франк провозгласил отречение от Талмуда, продолжая почитать каббалистическую книгу «Зохар», соотносимую им с католицизмом. Он активно участвовал в преследовании своих бывших единоверцев-иудеев, инициировал диспуты с раввинами об истинности католицизма, вреде Талмуда и о ритуальном пролитии иудеями христианской крови.

При этом христианство для него всегда оставалось скорлупой (клипой), скрывавшей

убеждения иудейского мистика-ересиарха. Не случайно Франк проповедовал молчание, то есть внутреннее исповедание веры, противопоставляемое им внешнему притворному исповеданию. Галут (изгнание) для лидера секты представлял фикцией, виртуальной реальностью, лишенной сущности, а подлинной, но невидимой сущностью обладал только геул (спасение), в котором уже пребывали и он сам, и его сподвижники.

Разделяя каббалистическую концепцию метемпсихоза, или реинкарнации, Франк создал теорию о цепи перевоплощений душиmessии, которая являлась частью предвечной Первопричины или сокрытого безличного Бога (Эйн-Соф), последовательно в: Давида, Илию, Иисуса, Мухаммеда, Саббатая Цви, Берахью – и, наконец, в самого Франка [11].

Важнейшей частью учения Франка было развитие концепции Аврахама Кардозо и Нехемии Хайона о саббатианской троице. Его «пророческие» откровения по этому поводу нарочито тёмны и непонятны для окружающих: «От начала мира не было еще человека, который бы знал истинного Бога. Имя Его еще неизвестно, и никто не знает местопребывания Его. Есть только на свете много богов, и они показываются в образах людей. Они имеют способность видеть, не будучи видимы; есть бог птиц, бог ветров, есть также тридцать шесть начальников всяких болезней и чумы. А те трое Богов, которые являются самодержцами над всеми этими начальниками, дают им указания, куда послать мор или что-либо подобное» [12].

Саббатианские теософы говорили о триединстве: Первопричины или Бесконечного (сокрытого Бога или Бога разума); Бога Израиля (явленного Бога – творца или Бога откровения) и Шхины (Святого Духа, женской ипостаси Божества). Франк считал, что из трех начал единого Бога, которые он именовал соответственно Святым старцем, Святым королем и Святой сударыней – Шхиной, наиболее доступно миру второе, царственное, начало, воплощающееся в человеке – messии. Вера и преданность этому messии, королю или «Святому господину» – самому Якову Франку – создают гармонию между первым (мужским) и третьим (женским) началами Божества [13]. Действительно, буквальный смысл слова «машиах» (messия) означает: помазанник, государь.

Франк, по-видимому, соотносил свою роль со средним рядом «сфиrot» (посредствующих творческих сил Бога): знанием (даат), красотой (тифэрэт) и основанием (йесод), урав-

новешивающими в каббалистическом древе сфиrot, символизирующем единство мироздания, правый «мужской» ряд: мудрость (хохма), мильсть (хэсэд) и победу (нэцах) – и левый «женский» ряд: разум (бина), правосудие (гвура) или суд (дин) и славу (ход).

После формального принятия франкистами христианства в их представлениях саббатианская троица модифицировалась в Пресвятую Троицу, а почитание души messии в веру во вновь воскресшего Христа – Якова Франка, окруженного двенадцатью избранными учениками – апостолами. Таким образом, приверженцы Франка почитали его как живого Бога в человеческом облике; человека, преобразившегося в Бога. Сам он давал к этому основание, пророчествуя о сношениях с «Великим Братом» – Богом (Эйн - Соф) [14].

Франк внушал своим приверженцам, что его дочь – красавица Ева является женшиной-messией – воплощением Шхины, «королевой», почитание которой приведет в итоге к завершению процесса спасения (геул). Не нужно забывать, что падшую Софию – мудрость Божию, Софию-Ахамот валентинианского гностицизма, иначе называли блудницей Евой.

По-видимому, сексуальная близость между мужчиной и женщиной воспроизводит каббалистический «зивуг»: соитие, священный брак, иерогамию между мужскими и женскими персонификациями Бога («парцуфим») – соответственно, между отцом (Аба) и матерью (Има) или между сыном (Бен) и дочерью (Бат). Здесь следует, по-видимому, искать корни ритуального промискуитета франкистов как пути духовного освобождения. Не случайно члены общины боготворили Еву Франк, которая после смерти отца возглавила движение.

Вторая составляющая франкизма – либертизм (моральная распущенность, распутство, вольнодумство) является производной от антиномизма. Для Франка цель – спасение – всегда оправдывала средства ее достижения. По определению современного каббалиста Р. Маттиягу Глазерсона, «грех – результат нежелания терпеть, сдерживать свои чувства, вожделения, страсти. Человек сбрасывает с себя ярмы умеренности и самоограничения, он начинает руководствоваться «либеральными» воззрениями; вседозволенность становится основополагающим принципом его жизни. Этот процесс очевиден при сопоставлении слов «раша» (злодей) и «разрешать, позволять».

Р. Шимшон Рафаэль Гирш говорит, что «раша» – это тот, кто все себе позволяет. Чело-

век настаивает на своем праве делать то, что ему хочется, он себе это разрешает – и так он становится грешником и злодеем... Слово «раша» состоит из тех же букв, что и «рааш» (шум, возбуждение). Согласно Тосефет Браха, грешник находится в возбуждении и панике, боясь упустить возможность удовлетворить свои ненасытные желания, потому что он не в состоянии контролировать бурю своих чувств и страстей [15].

Призывая своих приверженцев открыто нарушать галахические постановления, Франк учил, что человеческие страсти суть «искры Божии» (ницецот), если мы не дадим им свободного выхода вовне, то воспрепятствуем восстановлению единства Имени Божьего, разделенного до тех пор, пока длится галут. Потому нужно совершать грехи с истинным религиозным рвением, побеждая зло силой зла. Тот, что опускается на дно греха, – первым увидит свет.

В Талмуде сказано о грядущем явлении мессии: «сын Давидов придет только в такой век, который будет или совсем порочным или совсем невинным»; «гниль, разложение» предшествуют утру спасения [16]. Франк считал, что такое время уже наступило при жизни его поколения. В его речениях варьируется мысль, что грех является оболочкой и формой проявления праведности: «Когда копают колодец, то сначала идет вода глинистая и мутная, а потом только можно добраться до воды сладкой и чистой»; «Известно, что когда поселяне собирают орехи, то первая скорлупа бывает зеленая, горькая и грязная и пачкает руки, пока не доберешься до ядра» [17].

Таким образом, Франк воплощал в себе идеал святого: «хорош внутри, но покров его плох»; чем грязнее тело – тем чище душа. Добро и зло меняются местами: то, что обычно, с точки зрения традиционной морали, принято считать добром, в действительности является злом – и наоборот. Поэтому совершение зла приближает спасение, или грех является орудием спасения. Для выбранных понятия добра и зла теряют свой смысл; они становятся над ними – по ту сторону морали. Тем более это верно для мессии. Франк учил своих последователей: «Никогда не поворачивайтесь лицом назад!» [18].

Главным побуждением Франка была воля к власти над телами и душами людей; по его словам, «если Саббатай [Цви] пришел испытать все, то почему же не испытал он сладости господства?» [19] Лжемессия стремился захватить власть обманом и преступлением, цинично ис-

пользуя связи и обстоятельства: «Когда вода мутна, тогда хорошо рыбу ловить. Когда мир будет залит кровью, мы сумеем поймать одну вешь, которая нам принадлежит»; «Конечно, я буду стараться идти с великой силой и властью, но около той власти мы должны вертеться со сладкими словами (на устах) и плутнями, пока все не перейдет в наши руки» [20].

Для достижения успеха Франк учил умело приспосабливаться к условиям места и времени, пряча свое лицо, чтобы оставаться незаметным: «Когда человек переходит с одного места на другое, то он должен отбрасывать все порядки первого места и держаться лишь тех, которые существуют в новом месте пребывания»; «В какое бы место мы ни пришли, мы должны оставлять прежние обычаи, прежнюю одежду и язык и употреблять речь каждого народа, среди которого в данный момент живем» [21]. Создается впечатление, что Франк был прилежным учеником основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы, разрешившего грешить ради выгоды, «к вящей славе Божией».

Франк весьма успешно добивался покровительства верхушки католического клира, а через него – влияния в правящих кругах Польши и Австрии. Он окружил себя пышным двором, получал обильные финансовые пожертвования, ввел воинскую дисциплину в своей общине, которая носила черты тайного общества; сам получил баронский титул и приобрел замок, а многие его последователи из числа католиков-неофитов покинули гетто и были возведены в дворянское достоинство, инкорпорировавшись в европейское общество.

Самым скандальным аспектом деятельности Франка было снятие табу с сексуальных отношений, вплоть до поощрения полигамии и кровосмешения, несмыываемого греха, с точки зрения ортодоксального иудаизма. В основании этих экстатических действий лежала концепция духовного избавления путем попирания стыда первородного греха Адама и Евы, то есть совершения плотского ритуального блуда или свального греха как религиозных обрядов.

Анархический эротизм половых актов, привилегию на которые имел лидер общины – «живой Бог» Яков Франк, легально устроивший гарем из своих учеников, – возвышался до символа геула (спасения). Геул – это коитус. Таким образом, мир открывался революционному мессианскому сознанию своей новой стороной, где зла как иллюзии помраченного разума более не существовало.

Получил свое окончательное оформление и реализацию религиозный идеал «святости во грехе». Яков Франк в своих характерных чертах предстает нам типом лжемессии, который при желании нетрудно обнаружить в самых разнообразных мистических еретических учениях Запада и Востока, в том числе и в России (например, хлыстовские «христы», Г.Е. Распутин – Новых). Параллели программному амонализму Франка можно найти у современных интеллектуальных кумиров: маркиза де Сада, Ф. Ницше.

К какому психологическому типу, по классификации К.Г. Юнга, его можно отнести? Бессспорно, к одному из иррациональных. Но вряд ли к экстравертному интуитивному, хотя «нередко его считают безнравственным и беззастенчивым авантюристом» [22]. Не подходит, видимо, и экстравертный ощущающий тип, хотя у него вытесненная интуиция, заявляющая о себе в форме проекций на объект, выступает как «примитивная, суеверная и «магическая» религиозность, возвращающая к диким ритуалам» [23].

Гораздо ближе Франк стоит к интровергтному интуитивному типу израильского пророка. Как пишет о нем К.Г. Юнг: «Когда интровергтная интуиция достигает примата – то ее своеобразные черты... создают... тип... мистика – мечтателя и провидца... Его суждение дает ему возможность познать... что он как человек, как целое, каким-то образом вовлечен в свое видение; что оно есть нечто такое, что может не только созерцаться, но что хотело бы стать жизнью субъекта. Он чувствует, что это познание возлагает на него обязанность претворить свое видение в свою собственную жизнь... он делает себя и свою жизнь символической... Он может лишь исповедовать и возвещать. Он – глас проповедника в пустыне... В [его] бессознательном имеется компенсирующая экстравертная функция ощущения, отличающаяся архаическим характером... Сила влечения и безмерность являются свойствами этого ощущения...» [24].

Однако, по-видимому, ближе всего к Франку находится интровергтный ощущающий тип, поступки которого «имеют по отношению к объективной действительности иллюзорный характер и являются поэтому чрезвычайно странными... Фактически же он вращается в мифологическом мире... Его бессознательное отличается... вытеснением интуиции... [его] архаически экстравертная интуиция обладает способностью пронюхать все двусмысленное,

темное, грязное и опасное на задних планах действительности... если бессознательное становится в оппозицию к сознанию, – тогда такие интуиции всплывают на поверхность и развивают свои пагубные действия, насиливо навязываясь индивиду...» [25].

Наше предварительное заключение сводится к следующему: лжемессия, воплощающий идеал «святости во грехе», относится к интровергтному ощущающему, иррациональному психологическому типу. Не исключено, что психиатр мог бы поставить ему диагноз «шизофрения», что отвечало бы децентрации, разорванности, индиви(д) – дуализации, шизофренизации сознания человека эпохи постмодернизма, реализующего стратегию «ускользания».

Примечания

1. Цит. по: Дубнов С.М. История франкизма по новооткрытым источникам / Рец. на книгу: A. Kraushar. Frank i francisci polscy. 1726 – 1816. Том I – II. Krakow, 1895// Восход. СПб., 1896. №3. С. 110, 100.
2. Вавилонский Талмуд. Трактат «Бава Батра», 12а.
3. Цит. по: Дубнов С.М. История франкизма... С. 110 – 111.
4. Там же. С. 101.
5. Там же. С. 111.
6. Там же. С. 102 – 103.
7. Цит. по: Рубашев З. Франк, Яков Лейбович и франкисты // Еврейская энциклопедия / Под ред. А. Гаркави, Л. Каценельсона. СПб., б.г. Т. 15. С. 367.
8. р. Матильягу Глазерсон. Огненные буквы. М. – Иерусалим, 1997. С. 110.
9. Там же. С. 170.
10. Цит. по: Дубнов С.М. История франкизма... С. 107.
11. Мессианские движения // Еврейская энциклопедия / Под ред. А. Гаркави, Л. Каценельсона. СПб., б.г. Т. 10. С. 915.
12. Цит. по: Дубнов С.М. История франкизма... С. 111.
13. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. Иерусалим, 1989. Т. 2. С. 157 – 159; Рубашев З. Франк, Яков Лейбович... С. 361; Он же. Саббатай Цеви и саббатиансое движение // Еврейская энциклопедия / Под ред. А. Гаркави, Л. Каценельсона. СПб., б.г. Т. 13. С. 795.
14. Дубнов С.М. История франкизма... С. 102.

15. Р. Матильягу Глазерсон. Огненные буквы... С. 102.
16. Вавилонский Талмуд. Трактат «Санхедрин» 98а; см. также 95, 96.
17. Цит. по: Дубнов С.М. История франкизма... С. 100.
18. Там же. С. 101.
19. Там же. С. 102.
20. Там же. С. 110, 101.
21. Там же. С. 100 – 101.
22. Юнг К.Г. Психологические типы. М., 1996. С. 450.
23. Там же. С. 445.
24. Там же. С. 488 – 489.
25. Там же. С. 483 – 484.

Т. В. Юрьева, Е. В. Худякова

Русское старчество как культурный феномен

Среди множества преимуществ настящее время ценно для нас тем, что нам предоставлен выбор пути, в том числе и духовного, будь то вера или неверие, ортодоксальное следование канонам или поиск собственных правил для попытки установления взаимоотношений с высшим разумом, хотя очень часто мы видим, что это не поиск, а, скорее, блуждание в обрушившейся на человека информации о разных путях обретения религиозного и мистического опыта, а то и банальное следование моде.

Тем не менее, в нашей русской истории уже были похожие ситуации, в которых рождались очень значимые для нашей культуры феномены, воплощалась идея поиска истины и надежда получения ответа на извечный вопрос о пути, о смысле жизни. Речь в данном случае пойдет о феномене старчества, возникающем в русской православной культуре и ставшем, начиная с Серафима Саровского, своего рода перекрестком религиозной и светской культуры.

Ко второй трети XIX века старчество становится явлением в России столь популярным, что образ старца прочно связывается с именами многих деятелей русской культуры, мыслителей, писателей и художников. Паломничество к старцам - факт биографии самых знаменитых русских писателей: Гоголя, Достоевского, Толстого. Старец становится героям целого ряда художественных произведений.

Ответ на вопрос о специфике русского старчества пытались дать еще тогда, когда старчество было фактом реальной жизни, а не традицией, прерванной вместе со всей религиозной жизнью в советское время. Один из русских богословов начала века, В.И. Экземплярский (1871 - 1933), в своей работе “Старчество” [1] рассматривает его не просто как явление церковной жизни, а как возможный источник духовного возрождения современной ему России. В несколько ином аспекте касается старчества другой крупный исследователь религиозной культуры - Г.П. Федотов [2]. Рассматривая феномен русского старчества, он выводит его происхождение из общехристианского и византийского наследия, выделяя в дальнейшем индивидуальные черты “русского” старчества и особо подчеркивая время Оптиной Пустыни как классический век русской святости. Расцвет русской старческой традиции изучался И.М. Концевичем. В его работе “Оптина пустынь и ее время” автор освещает историю возникновения пустыни, приход в нее будущих великих старцев, их взаимоотношения с представителями светской культуры. Список исследований можно дополнить также работой С.И. Четверикова “Из истории русского старчества”, которая посвящена Паисию Величковскому, основателю старческой традиции [4]. Книга написана автором уже в эмиграции, в 1925 году. На этом практически исчерпывается ряд исследований, посвященных данной теме. Тем не менее несомненно: старчество оставило яркий след не только в религиозной, но и светской культуре. Это обуславливает необходимость вновь вернуться к его феномену.

Старчество как церковный институт, основанный на духовном руководстве старца аскетической практикой послушания, по мнению В.И. Экземплярского, возникло с появлением монашеской формы жизни – монашества, которое, в свою очередь, рождено приходом новой веры – христианства с его новым богослужебным культом [1. С. 125]. Это - официальная точка зрения церкви на происхождение старчества.

Однако нас интересует не история института, а специфика культурно-этической модели старчества. Исходя из этого, по всей видимости можно сказать, что старчество существовало и до пришествия Христова, но являлось в несовершенном виде. “Идея старчества, - пишет митрополит Трифон, - начинаясь с первой главы книги Бытия, проходит по всему Ветхому Завету, вплоть до явления Спасителя. Тому